

К 100-летию со дня рождения К. С. СТАНИСЛАВСКОГО

Неопубликованные письма

Вл. И. НЕМИРОВИЧУ-
ДАНЧЕНКО

10/1 904 суббота

Дорогой Владимир Иванович.
Очень сожалею, но должен беспокоить Вас этим письмом.

На мою просьбу об отмене утренника «Цезаря». Вы ответили категорическим отказом. Может быть сочли ее неуместной с моей стороны, жалостливостью к актерам.

Между тем в моем обращении кроется разрешение принципиального, немаловажного для меня вопроса, в котором раньше мы были с Вами солидарны.

Дело обстоит так:

Качалову предстоит в восемь дней сыграть одиннадцать раз, Леонидову — в восемь дней — десять раз.

Из этих одиннадцати и десяти раз — три генеральных репетиции и один — первый спектакль*. Известно, что одна генеральная стоит нескольких спектаклей, а один первый спектакль — и того более. Задайте себе вопрос: могут ли человеческие нервы выдержать такую работу при том условии, что первые спектакли новой пьесы должны идти блестяще, чтоб ответить придириным требованиям?

Мой категорический ответ — нет. При таких условиях художественное дело обращается в антрепризу и актеры правы, говоря, что пайщики слишком заботятся о своей наживе. То, что Александр Леонидович** обращает больше внимания на материальную сторону, — это хорошо, но почему Вас не беспокоит эта погоня наживы за счет художественного достоинства спектакля, — этого я не успел выяснить при последнем разговоре. Думаю, что Вы недостаточно вникли в мою просьбу и потому пишу это письмо. Каюсь Вам, если и теперь последует отказ, я буду очень смущен и сильно призадумюсь о будущем, но я в это не верю. Теперь перейдем к чисто коммерческому вопросу. Первое правило здесь: «не увлекаться минутной наживой, смотри дальше». Плох тот коммерсант, который думает о наживе ближайшего дня, не думая о будущем.

Выгоднее проиграть сегодня, чтоб нажить в будущем. Выгоднее поэтому потерять 1.200 рублей на утреннем спектакле и получить того актера, который своей болезнью принесет 10.000 убытка в будущем. Отменой этого спектакля мы убьем двух зайцев: 1) материальный риск в будущем и 2) сохранение принципа, самого доходного и могущественного в нашем театре: художественные и гуманные интересы на первом плане, а материальные на втором.

Все это пишет Вам тот, кто, может быть, больше многих тяготеет тем, что наш театр не стоит еще самостоятельно и прочно в материальном отношении.

С почтением К. АЛЕКСЕЕВ.

* По просьбе К. С. Станиславского утренний спектакль «Юлий Цезарь», который должен был идти в день премьеры «Вишневого сада», 17 января 1904 г., был отменен Вл. И. Немировичем-Данченко.

** Актер Московского Художественного театра А. Л. Вишневский был назначен правления МХТ.

Е. В. ГЕЛЬЦЕР

(6 марта 1921 г.).

Глубокоуважаемая и дорогая Екатерина Васильевна,

В эту пору стихийного перелома жизни, в эти годы беспощадного пересмотра ценностей прошлого народная воля могла бы счесть балет искусством пресыщенной праздности, ненужной роскошью, недостойной народного внимания. Так было в других странах, переживших революционные катастрофы. Там от балета, как сценического, театрального искусства, почти не осталось следов.

Теперь, кажется, уже с уверенностью можно сказать, что русский балет избег этой смертельной опасности. И этим своим спасением он в огромной степени обязан Вам. — Вашей фанатической преданности искусству, Вашему гигантскому, неустанным труду, Вашей оверкающей технике, всему, что вместе с внутренним горением дает Вам возможность создавать неуязвимые свежестью образы и поддерживать высшую культуру балета*. Ваш пример на таком историческом рубеже в жизни всех театров внушает нам чувство товарищеской гордости и глубокой благодарности. С этими чувствами и приносит Вам сегодня свой привет Московский Художественный Театр с его Студиями.

К. СТАНИСЛАВСКИЙ.
Вл. НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО.

* 6 марта 1921 года состоялось чествование Е. В. Гельцера в связи с 25-летием ее сценической деятельности. Кроме К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко, письмо подписали более пятидесяти артистов — сотрудников МХАТ и студий.

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ комиссия по изучению и изданию наследия К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко предлагает вниманию читателей «Советской культуры» десять неопубликованных писем К. С. Станиславского. Они относятся к различным периодам его жизни и являются ценным дополнением к эпистолярному наследию К. С. Станиславского, собранному в двух последних томах собрания его сочинений.

Публикуемые письма содержат высказывания Станиславского по актуальным вопросам современного театра, ярко характеризуют его как художника, театрального мыслителя,

общественного деятеля и человека. Они проникнуты заботой великого режиссера-новатора о судьбах театрального искусства, о развитии актерского мастерства на путях художественного реализма.

Ряд писем показывает отношение Станиславского к театральным традициям и вместе с тем они обращены к настоящему и будущему отечественного театра. Они сохраняют живой облик Станиславского как руководителя Московского Художественного театра.

Подготовка текста писем и примечания С. В. Мелик-Захарова.

В. И. ЛЕНИНУ

(22 октября 1921 года)

Представители театров были извещены о том, что Малиновская* благодарна... вынуждена подать в отставку.

Проработав с Малиновской в течение четырех лет, среди всех трудностей переходного времени, мы близко и на деле узнали ее достоинства и недостатки.

Учитывая все условия — тонкости нашего дела, которые могут знать лишь те, кто кипит в закулисной жизни театра, которую не ведают те, кто сидит по ту сторону рампы, принимая во внимание и все элементы, из которых складывается личность Малиновской — мы утверждаем, что в данную минуту она одна может сплотить между собой все коллективы самых разных направлений, которые соединены под правлением АКТЕО и удержать их от распада. Другого лица, способного на это в данное время при всех создавшихся условиях, нет. Поэтому уход Малиновской равносителен уничтожению Академических театров.

Враги Академических театров учиняют это. Они сначала вели атаку в лоб, а на почве артистических состязаний потерпели поражение. Теперь они повели атаку в обход и хотят с помощью волокиты и придириков довести Малиновскую до отставки, а театры до близкого падения.

Предчувствуя все то, что ожидает театры, учитывая условия нашей работы во всех тонкостях с опытом знатоков нашей специальности, мы считаем теперь своим гражданским и артистическим долгом предупредить: 1) Театры гниют (поочередно) в разные стороны. Последние — изломаны.

2) С погубелью Академических театров гибнут традиции русского искусства, создававшиеся на протяжении многих гениальных артистических поколений в течение столетия.

Традиции эти могли создаться только в театрах, проживших сто лет — как Малый, 25 — как Художественный.

Если в других областях традиции создаются сравнительно скоро, то в театральных коллективах для такого наследия нужны столетия.

Таковыми театрами являются академические. Случайно собираемые на сезон труппы, естественно, не могут создавать и охранять традиции. Вот почему наше утверждение о том, что с гибелью Академических театров гибнет русское искусство — не является преувеличением.

3) С погубелью Академических театров погибнет и общественное положение актеров, которое создавалось веками. Если теперь некоторые артисты унижают наше звание и роняют престиж артиста, то есть лица вроде М. Н. Ермоловой и учреждения, прослужившие обществу столетие, которые являются... общественной роли актера и театра. Но когда их не будет и не на кого будет сослаться, каково будет общественное положение (актера). Оно упадет до роли общественного шута.

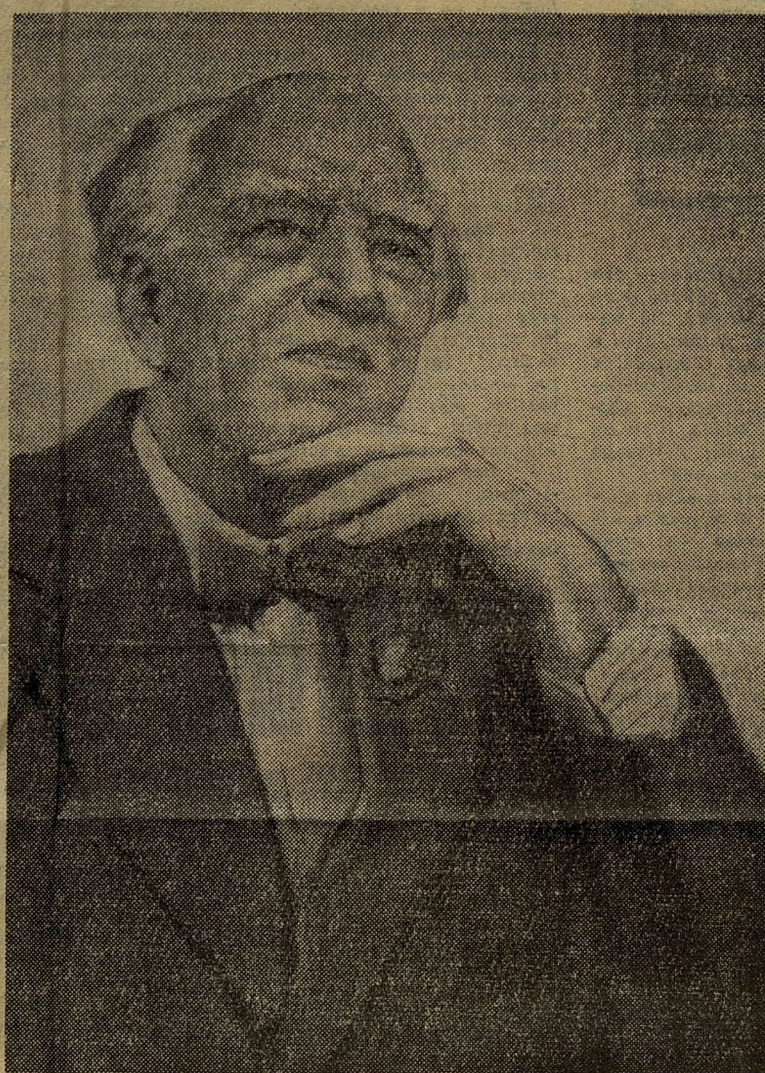
Для того, чтобы процветало искусство — не правительству надо заботиться о всех театрах. Нужны несколько театров, по которым должны развиваться все. Когда был целый Малый театр, провинция процветала**.

* Е. И. Малиновская с 1918 года — управляющий московскими государственными, а затем, с 1920 года, академическими театрами.

** Черновым набросок письма Станиславского. На письме надпись А. А. Бахрушина: «Проект заявления представителей Академических театров В. И. Ленину...».

Многоточиями в тексте обозначаются недописанные Станиславским слова. Письмо адресату не было отправлено.

Оригинал хранится в Театральном музее имени А. А. Бахрушина.

А. ЛАММ. Портрет К. С. Станиславского (масло). 1962 год.

Публикуется впервые.

Из письма

Вл. И. НЕМИРОВИЧУ-
ДАНЧЕНКО

Нью-Йорк, 12 марта 1924 года.

...Все мейерхольдовские, таировские и другие достижения целиком заимствованы из немецчины, где они уже достаточно надоели. В Америке же, во всех водах и реках они так набиты, что американцы не могут их слышать, чем и объясняется провал Комиссаржевского в «Перлюте», который, в сущности говоря, если не считать внешней стороны, поставлен им не дурно. Это совсем не значит, что я оплакиваю чеховщину и все наши прежние приемы игры, превратившиеся в плохой штамп Художественного Театра. Это значит, что я оплакиваю лично свое будущее, что мне не удастся более поставить Шекспира так, как он мне чудится во сне, как я его вижу своим внутренним зрением и слышу своим внутренним слухом, Шекспира на основах симфонии, фонетики, ритма, ощущения слова и действия, на настоящем звуке человеческого голоса, на основах простого, благородного, постепенного, последовательного логического развития чувства и хода действия. Старик, которые одни это могут сделать, переучиваться не хотят, а молодежь и Студии, которые, повидимому, этого хотят и пробуют в этом направлении работать, слишком жидки по своим данным для такой большой задачи. Пытаюсь заинтересовать себя постановками зрелищного современного характера, есть много забавных планов, трюков, из которых Мейерхольд мог бы сделать принципы для

какого-то нового искусства, но все эти фокусы волнуют меня не более, как на несколько часов, а после надоедают и я охлаждаюсь...».

* Местонахождение письма неизвестно. Публикуется отрывок из него, сохранившийся в виде удостоверенной выписки.

Телеграмма

Максу РЕЙНГАРДТУ

26 октября 1928 года.

В день юбилейного торжества я с волнением и благодарностью вспоминаю, как сон, свое пребывание в Вашем гостеприимном театре и Вашем доме. Шлю Вам и всем артистам Вашего театра, почтивших меня приветствием, свой дружеский сердечный привет и благодарность*.

Почетный член Дейтшес театр
СТАНИСЛАВСКИЙ.

* Ответ на приветствие по случаю 30-летия МХАТ. В октябре 1928 года в Берлине, где Станиславский был проездом из Баденвейлера, состоялось его чествование, организованное немецкими артистами во главе с М. Рейнгардом. Станиславский был избран почетным членом Немецкого театра.

Н. П. ГОРБУНОВУ*

Баденвейлер, 27 сентября 1929 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Николай Петрович,

Если Вы услышите, что я беглец и симулянт, — не верьте. Я искренно хочу скорее вернуться к работе в трех Театрах, но для этого я должен стать трудоспособным, а я еще очень сильно болен и доктора не позволяют мне в таком виде возвращаться в Москву. Жду отсюда извещения о том, как мне поступить. Пока же, дорожа Вашим мнением, мне хочется приготовить вас к кривотолкам, которые неизбежно рождаются в связи с моим запозданием, независимо от того вернусь я или еще останусь здесь на некоторое время.

Крепко жму Вашу руку и шлю выражения в моем искреннем к Вам почтении.

К. СТАНИСЛАВСКИЙ.

* Н. П. Горбунов был управляющим делами Совнархоза СССР.

Вл. И. НЕМИРОВИЧУ-
ДАНЧЕНКО

Дорогой Владимир Иванович.
Я очень виноват, что не тотчас же ответил на Ваше хорошее письмо, за которое очень Вас благодарю. Когда оно пришло сюда, я так был удручен неожиданной болезнью, задержкой и опозданием, что ни о чем не мог думать, кроме как о выходе из положения. Между тем, мне следовало бы тотчас горячо протестовать и просить Андрея Сергеевича* не лишать наших театров ни одной минуты Вашей работы в них, потому что сколько бы времени Вы ни отдали нам, его все равно будет мало, чтоб с одной стороны, — снова поднять МХАТ на прежнюю высоту, а с другой, — подготовить смену и не столько артистов, сколько — руководителей.

Большая и опасная ошибка будет допущена, если Вам дадут нагрузку в ущерб МХАТ.

Когда Вы увидите Андрея Сергеевича, передайте ему мою усердную просьбу: оставить Вас целиком нашему театру.

Передайте также Авелю Софроновичу**, чтоб и он замолвил словечко за нас в этом деле.

Скажите также обоим, что я глубоко огорчен, как своей болезнью, так и своим, могущим произойти, опозданием.

Обнимаю Вас

К. СТАНИСЛАВСКИЙ.

1933—14—XI.
НИЩА.

* А. С. Бубнов, народный комиссар по просвещению РСФСР.
** А. С. Енукидзе.

В. Н. АКСЕНОВУ

4 апреля 1935 года.

Дорогой Вячеслав Николаевич!

28-го марта Вы сохранили на сцене Филлала спектакль «Пиквикский клуб» тем, что сыграли экспромтом, за вышедшего товарища, роль Снодграса. Сердечно благодарю Вас за то, что Вы, пожертвовав своим актерским самочувствием, которое должно было быть очень тяжелым при таком экстренном входе в спектакль, целиком пошли навстречу интересам Театра.

Крепко жму Вашу руку.

К. СТАНИСЛАВСКИЙ.

М. П. АРКАДЬЕВУ

(1936 г.).

Я верю в то, что Вы почувствуете чистоту моего намерения: укрепить наше единение с Вами и Ваш авторитет в театре*, что Вы не посетуете за мое письмо, за его прямоту и откровенность.

Милый, дорогой Михаил Павлович, умоляю Вас послушаться дружеского совета. Откажитесь от М... Его не примет ни труппа, ни театр, его не в силах принять и я. Об этом нашем расхождении говорят в МХАТ и это не хорошо, как для Вас, так и для меня.

В нашем театре, для нас, его основателей, все, все связано с воспоминанием об А. П. Чехове. От него простота, строгость, благородство, естественность, которых добиваются во всем, в спектаклях, в творчестве, в здании, в обиходе.

Какое отношение ко всему этому имеет М...? Скажут, что у нас и без него много элементов, не имеющих отношения к Чехову. К сожалению это так. Тем более надо избегать тех, кто идет в разрез с главными задачами, с основами дела и очищать его от этих лиц. Один неподходящий человек неизбежно потянет за собой много других, таких же, как он и сплотит вокруг себя тех, кто уже проник в нашу среду.

Уступим другим этих людей. Откажемся от плюшевых ковров, мраморных стен и театрально-мещанской роскоши. Вернем, прежний Художественный театр и не будем вместо него строить новый, которого ни мы, ни наше начальство, ни народ не полюбит. Пусть это будет подлинный МХАТ, а не так называемый МХАТ.

* М. П. Аркадьев был директором МХАТ с 1936 по 1937 г.

Б. Н. ЛИВАНОВУ

Борису Николаевичу Ливанову

Милому и любимому артисту, хорошему человеку*.

Кому много дано с того много и спросится. Ответьте мне: Что Вы сделали с Вашим прекрасным талантом? Поняли Вы главные основы искусства? Изучили Вы их? Знаете ли Вы, что единственная радость в нашем деле — познавание творческих тайн органической природы? Подсказал ли Вам талант, что театр во всем мире кончается навсегда; что уцелели единицы еще знающие, что такое искусство. Таких единиц, знающих кое-что об искусстве больше чем где-нибудь — в нашем театре. Это обязывает его ко многому. Но и эти единицы стареют и уходят от нас, а с ними уходит и русское искусство артиста. Не пропустите их, чтоб тайны нашего дела не оказались навсегда схороненными. МХАТ — призван спасти мировое искусство. За неисполнение этого указа судьбы ответите Вы, оставшиеся в живых молодые последователи. Если это Вам удастся — Вас ждет слава. Нет, — Вас заклеймит позор.

Не теряйте времени! Бросайте все, учитесь снова, все очень отстали! Искусство открывает все новые законы!

Пришло последнее время.

Вы один из тех, о котором я думаю, когда мне мерещится судьба театра в небывало прекрасных условиях для его расцвета — в нашей стране.

Любящий и надеющийся на Вас

К. СТАНИСЛАВСКИЙ.

8/VII—36.

* Надпись на фотографии, подаренной Б. Н. Ливанову.